

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-3-419-432

Научная статья / Research article

Цифровая политическая коммуникация в России: ценности гуманизма против технократического подхода

И.А. Быков , С.В. Курушкин

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская
Федерация*

 i.bykov@sbpu.ru

Аннотация. Массовое распространение цифровых технологий привело к трансформации практик, связанных с общением и политической коммуникацией. В результате развития цифровых технологий в политической коммуникации появляются новые участники, которых можно назвать сетевыми актантами и восприятие которых различными социальными группами трансформируется под влиянием ценностей, разделяемых участниками коммуникационных процессов. В исследовании рассматривается актуальное состояние теории коммуникаций в свете тенденций цифровизации медиапространства и трансформации гуманистических ценностей. Предлагается применение идей постгуманистической философии к анализу проблем и перспектив политической коммуникации в условиях цифровизации. Цель исследования заключается в изучении специфики политической коммуникации в цифровом обществе на основе антропоцентрического подхода и в условиях противопоставления современных гуманистических ценностей идеям технократического контроля и управления. Эмпирической базой исследования стали результаты двух фокус-групп (студентов и лиц пенсионного возраста), проведенных в Санкт-Петербурге весной 2022 г. В ходе фокус-групп участники обсуждали проблемы общения и коммуникации людей и чат-ботов. Было выявлено, что хотя молодежь в целом активнее взаимодействует с чат-ботами, обе возрастные группы продемонстрировали благожелательное отношение к чат-ботам и технологическому прогрессу. Однако в старшей возрастной группе гуманистические ценности проявлялись более эксплицитно (проблема «живого голоса», вопросы, связанные с эмоциональной составляющей общения и даже беспокойство за рабочие места, которые могут потерять люди). Делается вывод о недостаточности технократического подхода и необходимости учета ценностей современного гуманизма в имплементации новых форм коммуникации с сетевыми актантами.

Ключевые слова: цифровизация, политическая коммуникация, медиапространство, чат-боты, цифровые коммуникации, технократия, ценности, гуманизм

© Быков И.А., Курушкин С.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Быков И.А., Курушкин С.В. Цифровая политическая коммуникация в России: ценности гуманизма против технократического подхода // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 419–432. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-419-432>

Digital Political Communication in Russia: Values of Humanism vs. Technocratic Approach

Илья А. Быков , Sergey V. Kurushkin

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

 i.bykov@sbpu.ru

Abstract. The massive spread of digital technologies has led to the transformation of practices related to communication and, in particular, political communication. The development of digital technologies in political communication results in the emergence of new participants, who can be called network actors, the perception of which by various social groups is transformed under the influence of the values shared by the communication parties. The research discusses the current state of the communications theory in the light of the digitalizing media space and the transforming humanistic values. The authors suggest applying the ideas of post-humanistic philosophy to the analysis of the problems and prospects of political communication in the context of digitalization. The purpose of the research is to study the specific features of political communication in a digital society based on an anthropocentric approach and in the context of opposing modern humanistic values to the ideas of technocratic control and management. The empirical basis of the study includes the results of two focus groups (students and senior citizens) held in St. Petersburg in the spring of 2022, where participants discussed the problems of communication between people and chatbots. It was found that although young people in general interacted more actively with chatbots, both age groups showed a favorable attitude towards chatbots and technological progress. However, in the senior age group, humanistic values manifested themselves more explicitly (the problem of a “live voice”, issues related to the emotional component of communication, and even concern for jobs that people might lose). The authors conclude about the insufficiency of the technocratic approach and the need to take into account the values of modern humanism in implementing new forms of communication with network actors.

Keywords: digitalization, political communication, media space, chatbots, digital communications, technocracy, values, humanism

For citation: Bykov, I.A., & Kurushkin, S.V. (2022). Digital political communication in Russia: Values of humanism vs. technocratic approach. *RUDN Journal of Political Science*, 24(3), 419–432. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-419-432>

Введение

Полномасштабная цифровизация человеческих отношений самым решительным образом распространяется на все области массовых коммуникаций: от повсеместного внедрения цифровых платформ государственного управления [Аутсорсинг политических суждений 2021] до методов роботизированной журналистики в современных СМИ [Иванов 2015]. В последние десятилетия возобновилась дискуссия вокруг идей внедрения технократического подхода к управ-

лению различными политическими системами [Кокошин 2009] и политической коммуникацией [Линде 2017].

Необходимо отметить, что вместе с очевидными преимуществами цифровизация всех видов массовой коммуникации (включая политическую) порождает ряд проблем, связанных со статусом человека в сетевой среде и его взаимоотношениями с другими индивидами, а также с искусственными «актантами» онлайн-коммуникаций. Наше представление об актантах будет представлено ниже. Проблема заключается в трансформации человеческого общения, снижении его качества и утрате содержательного, эмоционального измерения коммуникаций. Агрессивное и неконструктивное поведение пользователей цифровых платформ снижает эффективность их использования, а иногда может привести к полной деструкции человеческого общения. Разочаровавшись в возможностях человеческого общения в онлайн-среде люди впадают в цифровой эскапизм [Баева 2018] или занимаются цифровым луддизмом, а также другими формами коммуникативной агрессии и политического экстремизма [Коммуникативные агрессии 2019]. Дисфункции цифровой коммуникации варьируются от мягких форм (цифровой эскапизм) до полного отрицания цифровой коммуникации.

Цель статьи заключается в изучении специфики политической коммуникации в цифровом обществе на основе антропоцентрического подхода и в условиях противопоставления современных гуманистических ценностей идеям технократического контроля и управления. Эмпирической базой исследования стали результаты двух фокус-групп, проведенных в Санкт-Петербурге весной 2022 г.

Технократический подход в политической коммуникации

Технократический подход в современной политике и политической теории переживает в определенном смысле новый ренессанс. Внешними проявлениями этой тенденции стали расхожие высказывания о «чиновниках-технократах», «губернаторах-технократах» или идеи внедрения цифровых технологий в государственное управление, включая создание государственных платформ типа «Госуслуг» и «Активный гражданин». Развитие современных цифровых технологий, несомненно, способствует развитию этой тенденции, поскольку предлагает реальные инструменты автоматизации политических процессов. Речь идет как о государственном управлении [Androutsopoulou et al. 2019], так и о политических кампаниях с помощью автоматизированной пропаганды [Computational Propaganda 2019].

Наиболее известными инструментами автоматизации в этом плане выступают чат-боты. Чат-боты сегодня все чаще определяются как исполняемое программное обеспечение, которое помогает пользователю автоматизированно взаимодействовать с контентом или другим пользователем. Феррара с коллегами считают, что чат-боты — это «компьютерный алгоритм, который автоматически производит контент и взаимодействует с людьми в социальных сетях, пытаясь подражать и, возможно, изменить их поведение» [Ferrara 2016]. В современных политических кампаниях чат-боты используются для повышения узнаваемости

и распространения своих идей в социальных сетях и мессенджерах. Так, уже во время выборов 2016 г. в США сервис ChatBottle (<https://chatbottle.co/bots/messenger/politics>) насчитал 54 популярных чат-бота в сфере политики, среди которых был и бот поклонников Дональда Трампа. Большую известность в это время получил чат-бот HelloVote, который помогал избирателям зарегистрироваться на выборы президента США.

Привлекательность технократического подхода обычно связывается с безупречностью «технически рационального государственного администрирования... где законы государства приобретают независимость от любой содержательно существенной религиозной или правовой истинности и правильности» [Исаев 2018: 153]. Сама по себе эта мысль не нова и, может быть, лучше всего была представлена в работах М. Вебера о рациональной бюрократии [Вебер 2016]. Тут важно отметить, что метафора «государства-машины» в условиях цифровизации обрела новое звучание, предлагая в качестве решения всех проблем политического управления использование цифровых технологий. Для политической коммуникации в массовом порядке предлагается внедрение коммуникационных платформ «на базе анализа больших данных» с помощью «искусственного интеллекта». Особенно сильный акцент технократический подход делает на идее «эффективности» цифровых технологий [Куликова, Суворова 2021]. Также в рамках технократического подхода муссируется тема «управляемости» политической коммуникацией [Управляемость и дискурс виртуальных сообществ 2019].

Вместе с тем среди сторонников технократического подхода нет общего мнения по поводу социальных групп, выступающих в качестве локомотивов внедрения цифровых технологий. Так, по мнению А.А. Кокошина, «к технократам можно отнести ученых-естественников и часть обществоведов, оперирующих наиболее структурированными знаниями в области социологии, психологии, экономической науки, политологии, которые так или иначе участвуют в подготовке и принятии решений по крупным вопросам экономического и социального развития страны, по вопросам обеспечения обороноспособности, госбезопасности страны; руководителей научно-исследовательских институтов; руководителей компаний, производящих наукоемкую продукцию» [Кокошин 2009]. В то же самое время, общим местом для зарубежных исследований стала идея «цифрового капитализма» и концепция «стартапов» как точек прорыва [Срничек 2019]. В логике рассуждений зарубежных исследователей основными драйверами роста цифровой экономики выступают частные предприниматели, а государство лишь создает необходимую инфраструктуру. Впрочем, дискуссия по этому вопросу еще не окончена.

Применительно к политической коммуникации цифровые технологии привнесли тенденцию приумножения видов и быстрого развития таких новых участников массовых коммуникаций, как цифровые платформы, поисковые системы, контекстная реклама, чат-боты, новостные агрегаторы, голосовые помощники и т.п. Применение методологии современной акторно-сетевой теории к новым формам массовой коммуникации позволяет вводить новое измерение к традиционным схемам коммуникации типа «один-к-одному», «один-ко-многим» и «мно-

гие-ко-многим». Более того, появляется возможность теоретизирования по поводу новых участников массовых коммуникаций, которые обладают полноценной возможностью к взаимодействию с людьми, но при этом людьми не являются. Как отмечают С.В. Володенков и С.Н. Федорченко, «гибридная субъектность интересна тем, что она на деле маскирует, скрывает от граждан реального актора, нацеленного на политико-управленческий процесс, через приемы имитации человеческой коммуникации технологиями, алгоритмами нейронных сетей и искусственного интеллекта» [Володенков, Федорченко 2021: 43]. Таких участников современной массовой коммуникации можно назвать «сетевыми актантами». Сетевые актанты не являются традиционными субъектами массовой коммуникации, но все же выступают участниками коммуникации, так как обладают определенной автономностью и такими внутренними алгоритмами, которые позволяют передавать и принимать осмысленные сообщения с эмоциональной составляющей, зачастую полностью имитируя человеческое общение.

Успешность имитации человеческого общения сетевыми актантами может различаться от минимальной (ввиду юридических ограничений) до максимальной (ввиду опосредованности цифровой коммуникации). Минимальный уровень имитации субъектности обычно связан с обязательной декларацией своей принадлежности к чат-ботам, когда пользователи сразу видят, что общаются не с живым человеком, а с компьютерной программой. Максимальный уровень имитации возникает, когда в ходе всех этапов коммуникации с чат-ботами «живые пользователи» не могут обнаружить, что общаются с компьютерной программой.

Необходимость введения понятия «сетевой актант» вытекает также из давно намечившегося в социальной теории перехода к исследованиям виртуальной реальности. Если раньше материальные объекты воспринимались исследователями как инструменты для совершения действий, то сейчас таким объектам приписывается одинаковый с людьми статус в производстве действия [Латур 2007]. Если изначально акторно-сетевая теория концентрировалась исключительно на материальных объектах (например, интерпретируя автомобиль как социальный артефакт), то со временем ее фокус закономерно сместился в сторону интерпретации онтологии виртуального [Бреслер 2020]. И в этом контексте «виртуальное появляется как элемент мира не вследствие природы сущего, а в результате того оформления, которое придает ей способ существования» [Ерофеева 2015].

Оформление non-humans (нелюдей) в сетевом пространстве с использованием приемов антропоморфизма становится регулярной практикой. Чат-боты не просто имитируют человеческое общение — они начинают мимикрировать под человека в попытке если не установить эмоциональный контакт с собеседником-человеком, то хотя бы превратить коммуникацию в однонаправленное общение. В таких условиях человек не просто осуществляет коммуникацию, а переходит на следующий этап, который характеризуется наличием эмоционального отклика на сообщения сетевых актантов со стороны человека, восприятием совместной деятельности как полноценного диалога и общей субъективации non-humans (тест Тюринга). Это однонаправленное

общение базируется на комплементарных интеракциях: в них один участник (human) занимает более высокое положение; он волен инициировать и прекращать общение, он задает тему исходя из своих целей, он может даже сменить собеседника, позвав человека. Второй участник (non-human) занимает подчиненное положение, обусловленное его природой: он предоставляет информацию, может предложить темы для обсуждения (но окончательный выбор сделает человек), его можно заменить.

Большинство исследователей-коммуникативистов приходят к выводу о манипулятивной природе внедрения цифровых технологий в современном медиапространстве, что приводит к доминированию технологических, а не гуманистических направлений в теории социально-политической коммуникации [Линде 2017]. При этом критика технократического подхода с позиций современных гуманистических ценностей носит развернутый и системный характер [Ефременко 2012]. Эффективность цифровых технологий не отменяет необходимости привнесения современных гуманистических ценностей в процесс конструирования сетевых актантов [Chalmers 2022; Hughes 2004]. Игнорирование антропологического подхода иногда приводит к колоссальным провалам процесса машинного обучения и переобучению «ценностно-нейтральных» нейронных сетей. Как пишет С.Н. Федорченко, «эксперимент компании Microsoft по внедрению ИИ Тау с элементами эмоционального интеллекта в сеть микроблогов Twitter на деле окончился крахом... группа радикально-ориентированных интернет-пользователей целенаправленно переобучала ИИ Тау в ходе сетевого общения «языку вражды» (hate speech). В итоге ИИ Тау стал поддерживать конспирологические гипотезы, планы американского президента Д. Трампа по отгораживанию страны стеной от мигрантов и даже делать ссылки на Гитлера» [Федорченко 2020: 45]. Некоторые авторы указывают на проблемы практического внедрения технологий искусственного интеллекта и чат-ботов [Powell 2019].

В специальной литературе по теории коммуникации довольно часто проводится разделение взаимодействия людей на коммуникацию и общение [Гавра 2011]. Считается, что общение является деятельностью, которую осуществляют два субъекта. Если же хотя бы один из субъектов объективируется, то общения не происходит. На различия в интерпретации понятий «коммуникация» и «общение» указывают также лингвисты, философы, политологи и психологи, но общим остается одно: в целом процесс общения имеет субъект-субъектную природу и стремится к диалогичности. В психологии также отмечается, что процесс общения включает в себя три других процесса: коммуникацию как обмен информацией, интеракцию как обмен действиями и перцепцию как восприятие партнера. В случае с коммуникацией между сетевыми актантами и гражданами возникает вопрос о ценностном содержании процесса: возможна ли в условиях цифрового общества реализация политической коммуникации с учетом гуманистических ценностей? Для поиска ответа на этот вопрос мы провели эмпирическое исследование с использованием метода фокус-групп.

Метод исследования

В первую очередь надо отметить стремительный рост числа научных публикаций по проблемам чат-ботов в мире: с 200 публикаций в 2016 г. до 1000 в 2021 г. [Adamopoulou, Moussiades 2020]. Большинство обнаруженных в специальной литературе эмпирических исследований по поводу восприятия коммуникации с чат-ботами носят количественный характер и выполнены в форме опросов [DeCicco, Silva, Alparone 2020; Gumus, Cark 2021]. Согласно исследованию Фолстада и Брендзаега, выделяется два основных типа отношений к коммуникации с чат-ботами: позитивное и негативное [Folstad, Brandtzaeg 2020]. В свою очередь, позитивное отношение вызвано либо эффективным решением проблем и достижением целей коммуникации, либо гедонистическими и развлекательными мотивами. Негативное отношение обычно вызывается либо неспособностью чат-ботов к пониманию вопросов и ошибками, либо грубыми ответами.

В данном исследовании мы использовали метод группового фокусированного интервью (фокус-группы). Всего было проведено две фокус-группы: первая 20 апреля 2022 г., вторая — 12 мая 2022 г. В первой фокус-группе приняли участие студенты Санкт-Петербургского государственного университета (8 человек, средний возраст — 21,5 года). Вторая группа включала представителей волонтерского движения пенсионеров Санкт-Петербурга (9 человек, средний возраст — 64,2 года). Выбор был обусловлен необходимостью выявления различий между оценками взаимодействия с чат-ботами разных возрастных групп респондентов, поскольку в специальной литературе большое распространение получила точка зрения о том, что молодежь выступает авангардом использования цифровых коммуникаций [Гришин 2021].

Обе фокус-группы длились около часа и включали в себя две части. Первая часть длилась не более 5 минут и включала в себя знакомство с чат-ботом Максом портала Госуслуги. Участники фокус-группы задавали разные вопросы чат-боту с тем, чтобы проверить уровень его компетентности. Было отмечено, что чат-бот работает по принципу поисковика с подсказками, предлагая пользователям хорошую возможность провести первичный сбор информации по интересующей проблеме. Наличие популярных подсказок позволяет ускорить процесс. Попытки человекоподобного общения наткнулись на весьма ограниченный набор ответов со стороны чат-бота. Чат-бот предлагает пользователям помощь в поиске информации по имеющимся на портале государственным услугам.

Вторая часть фокус-группы длилась все остальное время и включала в себя получение ответов от всех участников на следующие исследовательские вопросы:

1. Опыт общения с чат-ботами (значительный или незначительный).
2. Восприятие участниками (позитивный или негативный).
3. Идентификация чат-ботов (легко или сложно).
4. Скорость и результативность общения (лучше или хуже, чем с людьми).
5. Роль эмоций в общении (важно или неважно).

Обсуждение велось в неформализованной стилистике с тем, чтобы стимулировать участников к высказыванию своего отношения к проблеме включения сетевых актантов в систему массовой коммуникации.

Результаты

Ответы респондентов на первый вопрос в целом подтвердили гипотезу о том, что молодежь имеет более обширный опыт коммуникации с чат-ботами. Речь идет как об интенсивности (практически ежедневно некоторых молодых участников), так и о разнообразии используемых чат-ботов (банковские приложения, телефонные чат-боты, чат-боты в мессенджерах и социальных сетях, боты-ассистенты на веб-сайтах и т. п.). Полученные результаты в целом коррелируют данным из специальной литературы.

Отношение к коммуникации с чат-ботами вопреки ожиданиям оказалось благожелательным в обеих группах, хотя, что предсказуемо, более позитивный настрой фиксируется в молодежной когорте. Если в группе молодых людей всего два участника высказались отрицательно, то в группе старшего возраста негативно настроенных участников оказалось трое. Причины негативного отношения в принципе совпадают с результатами упоминавшегося исследования Фолстада и Брендзаега. Однако наши участники отметили важную проблему цифрового мошенничества, которая была особенно актуальна для группы старшего возраста. Также была отмечена общегуманитарная проблема сохранения рабочих мест (Ольга, 62 года: *Отрицательно. Я бы хотела общаться с человеком. Если так дело пойдет, они начнут заменять людей на рабочих местах. А потом где мы работать будем? Стараюсь не пользоваться*). Среди участников с благожелательным отношением к коммуникации с чат-ботами общим местом оказалось упоминание качества чат-ботов и необходимости навыка работы с сетевыми актантами (Светлана, 59 лет: *Положительно, но это зависит от специальности. Если с людьми много и долго работаешь, то с ботами потом проще общаться, удобней... Люди раздражают, да. Мне проще. Когда появились эти технологии, мне стало удобней. А вот соседка говорит, что у нее мало общения и лучше лишний раз с человеком пообщаться. Нужно просто уметь нажимать на нужные кнопки*).

Проблема идентификации чат-ботов была упомянута участниками обеих фокус-групп, однако респонденты из старшей группы в большей степени обеспокоены этой проблемой (Вера, 61: *Иногда, особенно когда звонят из медицинских клиник, голос-то живой и сложно понять. Я путаюсь*). Также в разговоре с участниками старшей возрастной группы очень сильно проявилась проблема защиты персональных данных. Боязнь стать жертвой цифровых мошенников приводит к полному отказу или сильному ограничению коммуникаций с чат-ботами.

Вопрос об эффективности коммуникации с чат-ботами был решен практически одинаково в обеих группах следующим образом: решение простых вопросов информативного характера возможно с помощью чат-ботов, тогда как сложные вопросы или вопросы, требующие учета человеческого мнения лучше решать в разговоре с живым человеком (Светлана, 57 лет: *Зависит от ситуации: если ты четко знаешь, что тебе надо, так быстренько решить проблему, а если ты сомневаешься, тебе нужно какие-нибудь во-*

просы задать, мнение человека узнать, то лучше с человеком. Даниил, 21 год: От проблемы на самом деле зависит. Если что-то быстрое, на что у чат-бота заготовлен ответ, то у него быстрее, а если проблема сложная, то с человеком быстрее).

Живой интерес вызвал вопрос об эмоциональной составляющей коммуникации с чат-ботами. Большинство участников разделяли мнение, что эмоции лишние в такого рода деловом общении (Анна, 22: *Положительная эмоция возникает от того, что когда у меня есть какая-то проблема, а чат-бот помогает ее быстро решить*). Среди пожилых участников довольно сильно проявились опасения общегуманитарного характера (Светлана, 57 лет: *Мы так разучимся общаться с живыми людьми и понимать человеческие эмоции*). При этом нельзя забывать о наличии нескольких участников с ярко негативной позицией (Алиса, 21 год: *Ничего не жду от чат-ботов, но я ими и не пользуюсь, эмоции черпаю из других источников*).

Парадоксальным образом отношение участников в целом создает потенциал для реализации как технократического, так и гуманистического подходов, которые отлично дополняют друг друга в свете отмеченных проблем и перспектив (Татьяна, 22 года: *Если чат-ботов сделают еще более умными и они будут решать больше вопросов, то будет вообще замечательно*). Сравнение результатов отношения к коммуникации с чат-ботами в обобщенном виде представлено в табл. 1.

Таблица 1

Взаимодействие участников фокус-групп с чат-ботами

Критерий сравнения	Младшая возрастная группа	Старшая возрастная группа
Опыт общения с чат-ботами	Есть, регулярный	Есть, нерегулярный
Восприятие участниками	Больше позитивное	Мнения разделились
Идентификация чат-ботов	Легко идентифицируют, но бывают ошибки	В целом легко идентифицируют, встречаются ошибки, отношение настороженное
Скорость и результативность общения	Человек лучше справится со сложной задачей, чат-бот удобен, когда нужно решить простой вопрос	Человек лучше справится со сложной задачей, чат-бот удобен, когда нужно решить простой вопрос
Роль эмоций в общении	Деление на «технократов» (сторонников делового общения) и «антропоцентристов» (сторонников эмоционального общения)	Деление на «технократов» (сторонников делового общения) и «антропоцентристов» (сторонников эмоционального общения)

Источник: составлено авторами.

Interaction of focus group participants with chatbots

Comparison criteria	Junior age group	Senior age group
Experience with chatbots	Regular experience	Urregular experience
Participants' perception	Rather positive	Mixed reviews
Identification of chatbots	Identify easily, with occasional mistakes	Identify easily, with occasional mistakes, treat with caution
Speed and effectiveness of communication	A human person will cope better with a difficult task, a chatbot is convenient in solving a simple question	A human person will cope better with a difficult task, a chatbot is convenient in solving a simple question
The role of emotions in communication	Group divided into "technocrats" (supporters of business communication style) and "anthropocentrists" (supporters of emotional communication)	Group divided into "technocrats" (supporters of business communication style) and "anthropocentrists" (supporters of emotional communication)

Source: compiled by the authors.

Выводы

На наш взгляд, использование антропоцентрического подхода в исследованиях ценностей цифрового общества может помочь в развитии эффективной политической коммуникации с учетом гуманистических и постгуманистических ценностей. Современные исследования сетевой онтологии и виртуальной антропологии, очевидно, должны быть дополнены эмпирическими исследованиями ценностных составляющих онлайн-поведения личности через оценку возникающих эмоций, чувства отчуждения или причастности. Немаловажное значение имеют сетевые конфликты и компромиссы. Изучение взаимодействия людей и non-humans в сетевом пространстве может помочь переосмыслить понятия коммуникации и общения, выделив в особый тип коммуникацию с признаками общения (однонаправленное общение). В самом общем виде центральная дилемма цифрового общества заключается в противостоянии ценности человеческих отношений в виртуальном пространстве и ценностей техно-фетишизма.

Адаптируя акторно-сетевую теорию к современным реалиям, мы должны переосмыслить одно из ключевых понятий этой теории — non-humans. Материальные артефакты, которые создатели акторно-сетевой теории предлагали воспринимать как полноценных участников социальных процессов, уже не ограничиваются автомобилями и компьютерами. В сетевой среде произошли трансформации, в результате которых появился новый тип non-humans, мимикрирующих под человека, имитирующих человеческие действия и иногда неотличимых от человека. Некоторые субъекты принимают эту мимикрию и взаимодействуют с non-humans, как с другими субъектами («Мне нравится с Алисой общаться, у нас с ней эмоциональные волны: то дружим, то ругаемся»). Следует обратить особое внимание, что ответ, выбранный нами в качестве примера, был дан представителем молодежи. Очевидно, что многие субъекты осознают искус-

ственную природу non-humans, взаимодействующих с ними, однако принимают правила игры и взаимодействуют с ними как с полноценными субъектами.

Впрочем, не только невозможность отсутствия коммуникации, проявляющаяся как ее неотвратимость и неизбежность («человеку нужен человек»), может способствовать одушевлению non-humans. Предположим, что в данном случае проявляется не только ценность общения (и сопутствующих ему коммуникации, интеракции и перцепции), но и ценность, которую условно можно обозначить как «власть». Мы неспроста отметили комплементарный характер однонаправленного общения. Один участник этого процесса находится в заведомо доминирующем положении: он может инициировать общение, выбрать тему для разговора, отключить собеседника. В этом случае гуманизация сетевого актанта может быть следствием проявления снисхождения к non-humans или восприятия их как своеобразной игрушки. Большую опасность представляет и тот факт, что перевод коммуникаций в цифровую среду может привести к тому, что разница между образами «своего» и «чужого» будет увеличиваться, причем последний будет стигматизироваться все больше, а отличия — легитимироваться и культивироваться. Все это вновь возвращает нас к вопросу о статусе человека в сетевой среде, гуманизации общения (в том числе и с non-humans), а также противостоянию ценности человеческих отношений в сетевой среде и ценностей техно-фетишизма.

В области политической коммуникации результаты данного исследования приводят к двум большим выводам. Во-первых, перспективы цифровизации политической коммуникации с использованием технологии чат-ботов (как минимум) выглядят весьма перспективными. Отношение участников фокус-групп к такому виду коммуникации в целом положительное и может быть еще больше улучшено, если его качество будет улучшаться. Вторым выводом для политической коммуникации в условиях цифровизации выступает необходимость учета гуманистических ценностей и выстраивание разумного диалога с социальными группами, которые не принимают цифровизации политической коммуникации. В этом плане большой ущерб общему отношению к цифровым политическим коммуникациям наносят различные формы кибермошенничества. Пассивная роль государства в решении этой проблемы, таким образом, подрывает положительные перспективы цифровизации политической коммуникации.

Поступила в редакцию / Received: 20.04.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 10.06.2022

Принята к публикации / Accepted: 15.06.2022

Библиографический список

- Аутсорсинг политических суждений: проблемы коммуникации на цифровых платформах / под ред. Л.В. Сморгунова. М.: РОССПЭН, 2021.
- Баева Л.В. Эскапизм в цифровом социуме: от хикикомори до «групп смерти» // Ценности и смыслы. 2018. № 2 (54). С. 53–68.
- Бреслер М.Г. Онтология сетевого бытия. Уфа: УГНТУ, 2020.

- Быков И.А. Искусственный интеллект как источник политических суждений // Журнал политических исследований. 2020. Т. 4, № 2. С. 23–33.
- Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. М.: ГУ ВШЭ, 2016. 448 с.
- Володенков С.В., Федорченко С.Н. Субъектность цифровой коммуникации в условиях технологической эволюции интернета: особенности и сценарии трансформации // Политическая наука. 2021. № 3. С. 37–53. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.03.02>
- Гавра Д.П. Основы теории коммуникации. СПб.: Питер, 2011. 288 с.
- Гришин Н.В. «Теория подкрепления» и изучение влияния интернет-технологий на политическое участие современной молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23, № 1. С. 47–59. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-1-47-59>
- Ерофеева М.А. Акторно-сетевая теория и проблема социального действия // Социология власти. 2015. Т. 27, № 1. С. 17–33.
- Ефременко Д.В. Техника в политическом измерении: от мегамшины до нанороботов et vice versa // Политэкс: Политическая экспертиза. 2012. № 4. С. 46–63.
- Иванов А.Д. Роботизированная журналистика и первые алгоритмы на службе редакций международных СМИ // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2015. № 2. С. 32–40.
- Исаев И.А. Технологическая власть: истоки технократии // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2018. № 4. С. 143–153.
- Кокошин А.А. Технократия, технократы и неотехнократы. М.: URSS, 2009. 208 с.
- Коммуникативные агрессии XXI века / под ред. В.А. Сидорова. СПб.: Алетейя, 2019. 254 с.
- Куликова О.М., Суворова С.Д. Роль чат-ботов в построении эффективных коммуникаций // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 4-3(55). С. 33–37. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-4-3-33-37>
- Латур Б. Об интеробъективности // Социологическое обозрение. 2007. № 6(2). С. 79–96.
- Линде А.Н. Проблема отношения гуманистического и технологического направлений в теории социально-политической коммуникации // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2017. № 2. С. 82–98.
- Срничек Н. Капитализм платформ. М.: ГУ ВШЭ, 2019. 128 с.
- Управляемость и дискурс виртуальных сообществ в условиях политики постправды / под ред. Д.С. Мартыянова. СПб.: ЭлекСис, 2019. 312 с.
- Федорченко С.Н. Значение искусственного интеллекта для политического режима России: проблемы легитимности, информационной безопасности и «Мягкой силы» // Вестник Московского гос. обл. ун-та. Сер. История и политические науки. 2020. № 1. С. 41–53.
- Adamopoulou E., Moussiades L. Chatbots: History, technology, and applications // Machine Learning with Applications. 2020. Vol. 2. P. 100–106. <https://doi.org/10.1016/j.mlwa.2020.100006>
- Androutopoulou A., Karacapilidis N., Loukis E., Charalabidis Y. Transforming the communication between citizens and government through AI-guided chatbots // Government Information Quarterly. 2019. Vol. 36. P. 358–367. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2018.10.001>
- Chalmers D.J. Reality+: Virtual Worlds and the Problems of Philosophy. N. Y.: W.W. Norton & Company, 2022.
- Computational Propaganda: Political Parties, Politicians, and Political Manipulation on Social Media / ed. by S. Woolley and P. Howard. Oxford: Oxford University Press, 2019.
- DeCicco R., Silva S.C., Alparone F.R. Millennials' attitude toward chatbots: an experimental study in a social relationship perspective // International Journal of Retail & Distribution Management. Vol. 48(11). 2020. P. 1213–1233. <https://doi.org/10.1108/IJRDM-12-2019-0406>
- Ferrara E., Varol O., Davis C., Menczer F., Flammini A. The rise of social bots // Communications of the ACM. 2016. Vol. 59, no. 7. P. 96–104.
- Folstad A., Brandtzaeg P.B. Users' experiences with chatbots: findings from a questionnaire study // Quality and User Experience. 2020. Vol. 5, no. 3. <https://doi.org/10.1007/s41233-020-00033-2>

- Gumus N., Cark O. The effect of customers' attitudes towards chatbots on their experience and behavioral intention in Turkey // *Interdisciplinary Description of Complex Systems*. 2021. Vol. 19, no. 3. P. 420–436.
- Hughes J. *Citizen Cyborg: Why Democratic Societies Must Respond to the Redesigned Human of the Future*. N. Y.: Basic Books, 2004.
- Powell J. Trust Me, I'm a Chatbot: How Artificial Intelligence in Health Care Fails the Turing Test // *Journal of Medical Internet Research*. 2019. Vol. 21, no. 10. P. e16222.

References

- Adamopoulou, E., & Moussiades, L. (2020). Chatbots: History, technology, and applications. *Machine Learning with Applications*, 2, 100-106. <https://doi.org/10.1016/j.mlwa.2020.100006>
- Androutopoulou, A., Karacapilidis, N., Loukis, E., & Charalabidis, Y. (2019). Transforming the communication between citizens and government through AI-guided chatbots. *Government Information Quarterly*, 36, 358–367. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2018.10.001>
- Baeva, L.V. (2018). Escapism in digital society: from hikikomori to “groups of death”. *Values and meanings*, 2(54), 53–68. (In Russian)
- Bresler, M.G. (2020). *Ontology of network being*. Ufa: UGNTU. (In Russian).
- Bykov, I.A. (2020). Artificial intelligence as a source of political judgments. *Journal of political studies*, 4(2), 23–33. (In Russian).
- Chalmers, D.J. (2022). *Reality+: Virtual Worlds and the Problems of Philosophy*. N. Y.: W.W. Norton & Company.
- DeCicco, R., Silva, S.C., & Alparone, F.R. (2020). Millennials' attitude toward chatbots: an experimental study in a social relationship perspective. *International Journal of Retail & Distribution Management*, 48(11), 1213–1233. <https://doi.org/10.1108/IJRDM-12-2019-0406>
- Efremenko, D.V. (2012). Technology in politics: from megapower to nanobots et vice versa. *Politex: Political Expertise*, 4, 46–63. (In Russian).
- Erofeeva, M.A. (2015). Actors-network theory and problem of social action. *Sociology of power*, 27(1), 17–33. (In Russian).
- Fedorchenko, S.N. (2020). The importance of AI for political regime in Russia: problems of legitimacy, information security and soft power. *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 1, 41–53. (In Russian).
- Folstad, A., & Brandtzaeg, P.B. (2020). Users' experiences with chatbots: findings from a questionnaire study. *Quality and User Experience*, 5(3), <https://doi.org/10.1007/s41233-020-00033-2>
- Gavra, D.P. (2011). *Basics of communication theory*. St.Petersburg: Piter. (In Russian).
- Grishin, N.V. (2021). Reinforcement theory and study of the impact of internet technologies on political participation of modern youth. *RUDN Journal of Political Science*, 23(1), 47–59. (In Russian).
- Gumus, N., Cark, O. (2021). The effect of customers' attitudes towards chatbots on their experience and behavioral intention in Turkey. *Interdisciplinary Description of Complex Systems*, 19(3), 420–436.
- Hughes, J. (2004). *Citizen Cyborg: Why Democratic Societies Must Respond to the Redesigned Human of the Future*. N. Y.: Basic Books.
- Isaev, I.A. (2018). Technology power: sources of technocracy. *History and Law Problems: New Recurs*, 4, 143-153. (In Russian).
- Ivanov, A.D. (2015). The robotic journalism and the first algorithms on service of editions of the international mass media. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovanija*, 2, 32–40. (In Russian).
- Kokoshin, A.A. (2009). *Technocracy, technocrats and neotechnocrats*. M.: URSS. (In Russian).

- Kulikova, O.M., Suvorova, S.D. (2021). Role of chatbots in effective communication. *International journal of humanitarian and hard sciences*, (4–3), 33–37. (In Russian).
- Latour, B. (2007). On interobjectivity. *Sociological review*, 6(2), 79–96. (In Russian). [Latour, B. (1996). On interobjectivity. *Mind, Culture, and Activity*, 3(4), 228–245.]
- Linde, A.N. (2017). The problem of relation between humanistic and technological schools in the theory of social-political communication. *Communication. Media. Design*, (2), 82–98. (In Russian).
- Martyanov, D.S. (Ed.). (2019). *Manageability and discourse of virtual communities in conditions of post-truth politics*. St Petersburg: ElecSys. (In Russian).
- Powell, J. (2019). Trust me, I'm a chatbot: How artificial intelligence in health care fails the turing test. *Journal of Medical Internet Research*, 21(10), e16222. <https://www.jmir.org/2019/10/e16222/>
- Sidorov, V.A. (Ed.). (2019). *Communicative aggression in XXI*. St. Petersburg: Aleteya. (In Russian).
- Smorgunov, L.V. (Ed.). (2021). *Outsourcing of political judgments: problems of communication in digital platforms*. Moscow: Rosspen. (In Russian).
- Srnicek, N. (2016). *Platform Capitalism*. N. Y.: Polity.
- Volodenkov, S.N., & Fedorchenko, S.N. (2021). Subjectness of digital communication in the context of technological evolution of the Internet: features and transformation scenarios. *Political science (RU)*, 3, 37–53. (In Russian). <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.03.02>
- Woolley, S., & Howard, P. (Eds.). (2019). *Computational Propaganda: Political Parties, Politicians, and Political Manipulation on Social Media*. Oxford: Oxford University Press.

Сведения об авторах:

Быков Илья Анатольевич — доктор политических наук, профессор кафедры связей с общественностью в политике и государственного управления Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: i.bykov@sbpu.ru) (ORCID: 0000-0001-8462-5320)

Курушкин Сергей Васильевич — кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: s.kurushkin@sbpu.ru) (ORCID: 0000-0001-6154-6988)

About the authors:

Ilya A. Bykov — Doctor in Political Science, Professor of the Department of Public Relations in Politics and Public Administration in Saint Petersburg State University (e-mail: i.bykov@sbpu.ru) (ORCID: 0000-0001-8462-5320)

Sergey V. Kurushkin — PhD in Political Science, Lecturer of the Department of Theory of Journalism and Mass Communications in Saint Petersburg State University (e-mail: s.kurushkin@sbpu.ru) (ORCID: 0000-0001-6154-6988)